

Виктория Черванева

Человек естественный и сверхъестественный (по данным языка мифологической прозы)¹

В изучении устных мифологических рассказов, под которыми понимаются прежде всего тексты о контактах человека с демоническими существами, в современной науке наметились некоторые точки предпочтения, так сказать фокусы исследовательского внимания. Прежде всего эти тексты интересны ученым как материал для извлечения мифологической информации, соответственно наибольшее внимание приковано именно к мифологическим персонажам (далее — МП) — их функциям, атрибутам, способам номинации, связанным с ними представлениям и т.д. В этом легко убедиться, просмотрев библиографию вопроса².

Об утвердившемся в науке представлении, что анализ образов мифологических персонажей является приоритетным для понимания специфики мифологического текста, свидетельствует хотя бы тот факт, что сборники мифологической прозы традиционно структурируются именно таким образом — по типам мифологических персонажей. Да и вообще попытки систематизации мифо-

Виктория Алексеевна Черванева
Воронежский государственный
педагогический университет
viktoriya.chervaneva@gmail.com

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ВГПУ 2014 г. «Моделирование образа человека в устных мифологических рассказах».

² См., например, этнолингвистический словарь «Славянские древности» [1995–2012], а также работы Т.А. Агапкиной, О.В. Беловой, Л.Н. Виноградовой, М.Н. Власовой, А.В. Гуры, Н.А. Криничной, Е.Е. Левкиевской, С.Ю. Неклюдова, А.А. Плотниковой, И.А. Разумовой, Н.И. Толстого, С.М. Толстой и др.

логической прозы по тематическому принципу (прежде всего указатели сюжетов и мотивов) также в основном строятся на классификации текстов в зависимости от типа МП¹.

Мнение о том, что МП — центральная смысловая точка мифологического текста, вполне справедливо, и данные анализа языка мифологической прозы это только подтверждают. Но хотелось бы обратить внимание на один момент. Репрезентация в мифологическом тексте образа человека — второй стороны описываемого взаимодействия — пока в значительной степени является лакуной в научном знании. Между тем именно человек, а не демон является обязательным элементом системы действующих лиц былички, причем обязательно эксплицируемым элементом. Так, в мифологическом тексте вполне может быть описано некое сверхъестественное явление без идентификации сверхъестественного актанта и без его наименования (более того, «загадочное равнодушие информанта к наименованию того мифологического явления, о котором он рассказывает» [Левкиевская 2008: 348] — это типичная черта мифологического нарратива), но без участия человека событие мифологического текста невозможно. Смысловая структура этого текста предполагает обязательное наличие адресата, или реципиента (в широком смысле слова), воспринимающего некоторое мифологическое сообщение.

«Загадочное равнодушие» исследователей к проблеме описания человека былички во многих отношениях объяснимо. Человек, взаимодействующий с МП, — это представитель «своего» мира, полюса нормы, а норма, как известно, менее интересна, чем ее нарушение, меньше привлекает внимание и значительно реже вербализуется, а если и получает вербализацию, то не такую развернутую и дифференцированную, как аномалия [Арутюнова 1988: 307; 1999: 83].

Нами была поставлена исследовательская задача — рассмотреть тенденции моделирования образа человека в мифологическом тексте на основе анализа лексики, она решалась на материале текстов одной тематической группы — о контактах человека с МП-покойниками. Выбор именно этих текстов обусловлен тем, что их анализ дает возможность сравнить характер представления человека сразу в двух ипостасях: естественной и сверхъестественной, поскольку в этих текстах обе взаимодействующие стороны, как правило, антропоморфны.

¹ См. обзор существующих указателей сюжетов мифологической прозы в: [Неклюдов 2006].

На предварительном этапе исследования была произведена сплошная выборка всей лексики, обозначающей человека, с ее последующей классификацией: номинаций персонажей, их признаков (атрибутов) и наименований выполняемых ими действий (предикатов). На основе этого материала были выявлены актуальные для исследуемых текстов параметры категоризации человека и определены объекты анализа — типы человека, изображаемого в тексте.

Представляется, что наиболее универсальным параметром для описания человека в быличке является функция действующих лиц. В зависимости от функции в исследуемых текстах выявляется пять типов персонажей.

1. Мифологический персонаж — покойник.

2. Реципиент, под которым понимается человек, воспринимающий мифологическое сообщение, «прочитывающий» его и таким образом взаимодействующий с мифологическим персонажем. Важно, что реципиент — профан, обычный, «естественный» человек, и это ставит его в один ряд со слушающим и рассказчиком (а в меморатах реципиент и рассказчик совпадают в одном лице). «Естественный» характер реципиента сверхъестественного — его нормативное свойство, признак включенности данного действующего лица в социум и условие достоверности сообщаемого для былички. Невозможно представить себе ситуацию, чтобы рассказчик в меморате был магическим специалистом, он всегда позиционирует себя как находящегося за пределами сферы сверхъестественного.

3. Действующие лица, не контактирующие с мифологическим персонажем, — как правило, члены семьи, родственники, соседи реципиента, т.е. люди из ближайшего социального окружения. Их функция состоит в правильной, с точки зрения традиции, идентификации происходящего с их близким: они разоблачают истинную демоническую сущность мифологического персонажа, возвращают реципиента к реальности и спасают его от вредоносного воздействия потусторонних сил.

4. Обобщенный субъект — люди из дальнего социального окружения, как правило, они изображаются совершающими какие-то обычные, предписанные традицией действия (*люди, все, всякий человек*). Чаще всего этот тип человека не имеет в тексте номинативной репрезентации, обнаруживает себя в предикативных конструкциях с нулевым именным членом (неопределенно-личные, обобщенно-личные предложения). Ср.:

[Т]ак *открыли гроб-то, а она и правда, лежит, а на платье три пятна, трехдневной давности* [Чер.: № 48]¹.

У нас одну хоронили в туфлях [Воронеж.: № 550].

Ее похоронили, а дочери совсем одни остались [Зин.: № 383].

5. Нарратор — рассказчик в фабулатах (в меморатах рассказчик совпадает с реципиентом). Этот тип человека демонстрирует в текстах разную степень вербализованности: довольно часто он вообще никак себя не проявляет на лексическом уровне, в некоторых случаях обнаруживает себя личными местоимениями 1-го лица (*я*) или в обращенной к нему прямой речи других персонажей (*ты* и др.).

Таким образом, номинативное поле «человек» в быличке формируется пятью группами единиц, выделенных по функциональному признаку. Отметим, что среди упоминаемых в тексте лиц нет таких, которые не выполняли бы какой-то функции. Первый тип (мифологический персонаж — покойник) соотносится с первым членом биннома «сверхъестественный / естественный», и в этом смысле он противопоставлен остальным четырем типам, представляющим человека в его естественной ипостаси. Рассказчик, реципиент, люди из его социального окружения всегда изображаются как находящиеся вне мира сверхъестественного, как обладающие тем же характером мировосприятия, что и аудитория текста.

В результате последующей классификации лексем, относящихся к этим пяти типам действующих лиц, по параметрам N (номинации), Р (предикаты), А (атрибуты) было получено 15 лексико-тематических групп. При такой выборке практически вся лексика текста вовлекается в анализ (за пределами базы данных остаются только параметры «локализация» и «темпоральная характеристика», репрезентанты которых, однако, также привлекаются как дополнительный материал).

Далее производился контент-анализ лексики, обозначающей действующих лиц, с тематико-идеографической точки зрения (с учетом лексико-грамматических особенностей слов) и статистический анализ. Были рассмотрены как номинации персонажей, так и обозначения их признаков: а) постоянных (пол, возраст, внешний облик, семейный статус, социальная характеристика (профессия, имущественное положение и т.п.),

¹ Материалом анализа послужили 532 текста быличек из сборников: «Былички и бывальщины Воронежского края» [Воронеж.], «Мифологические рассказы и легенды Русского Севера» (сост. О.А. Черепанова) [Чер.], «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири» (сост. В.П. Зиновьев) [Зин.], «Народная демонология Полесья», т. 2 «Демонологизация умерших людей» [Полесье].

интеллектуальные качества, духовные (морально-этические) характеристики) и б) процессуальных (характер совершаемых ими действий).

Такой анализ дает результаты, которые интересны прежде всего при сопоставлении материала с общеязыковыми данными или при рассмотрении особенностей моделирования образа человека в других фольклорных жанрах и других семиотических системах: художественной литературе, «наивной» литературе, беллетристике, мемуарах и др. Для понимания же механизмов организации текстов устной мифологической прозы необходимы также *синтагматический уровень* анализа единиц репрезентации человека, т.е. анализ последовательности появления в тексте единиц каждого параметра, и *прагматический уровень* анализа, позволяющий выявить связь языкового представления параметров с сюжетно-событийной основой текста и характером коммуникативной ситуации его бытования.

В рамках статьи ограничимся характеристикой только двух из пяти типов действующих лиц былички (МП и реципиент) по результатам анализа их номинаций, причем описание синтагматических связей данных единиц будет произведено только в одном отношении — на уровне характеристики интродуктивного акта (фрагмента текста, фиксирующего введение в текст нового персонажа).

Эмпирическую базу исследования составили 1936 лексем — номинации МП (863 единицы) и реципиента (1073 единицы), которые обладают различными семантическими и грамматическими характеристиками:

- собственно наименования мифологических персонажей;
- имена собственные;
- номинации с общекатегориальной семантикой «человек»;
- термины родства и свойства;
- номинации представителей социального окружения;
- номинации по профессии / роду занятий / имущественным отношениям;
- номинации животных — трансформаций МП;
- глагольные номинации;
- местоименные номинации;
- метонимические номинации;
- оценочные характеристики в роли номинации.

Приведем их в порядке снижения частотности с указанием количества употреблений в исследуемом корпусе¹.

¹ В кавычках приводятся примеры, извлеченные из прямой речи персонажей.

Мифологический персонаж	Человек-реципиент
<i>местоимения</i>	<i>местоимения</i>
«я» 39, «мы» 6 «ты» 16, «вы» 2 он 173, она 118, они 20 себя 4 кто 12, что 1 который 2 никто 10, ничто 1 кто-то 19, что-то 1, какой-то 1 один 6, одна 2, двое 2 тот 2, та 3, такой 1 сам 2 другой 1 все 6, всё 1 Итого 448 (51,91 %)	я 266, мы 48 «ты» 57, «вы» 8 он 76, она 235, они 30 себя 2 моя 2 (в субстантивной функции) которые 1 эта, эти 6 кто-то 1 одна / один 28 та, те 3 сама 8, сами 2 другая 3 все 1 Итого 777 (72,41 %)
<i>термины родства и свойства</i>	<i>термины родства и свойства</i>
муж 50, мужик ('муж') 1, жених 1, суженый 1 жена 8, бывшая супруга 1, невеста 1, нареченная 1 отец 13, папа 3, батька 1 мать 26, мама 8, мамка 2, мамчина 3, матка 1 сын 10 дочь 24, дочка 5 брат 3, сестра 2 дед 2, бабушка 2 дядька 1, тетка 1 племянник 2 свекровь 1, свекра 1 сноха 1 мать крестная 1 Итого 177 (20,51 %)	муж 2 жена 7, жинка 1, вдова 5, невеста 5 родители 2, отец 4 мать 35, «мама» 11, «матушка» 1 сын 6, «сынок» 1 дочь 9, дочка 8, дочурка 1, доченька 1 брат 4, сестра 3 дед 6, бабушка 12 дядя 1, тетушка 1 кумушка 1 Итого 130 (12,12 %)
<i>номинации с общекатегориальной семантикой «человек»</i>	<i>номинации с общекатегориальной семантикой «человек»</i>
человек 6 дети 1, ребеночек 1 мужчина 2, мужик 18 женщина 6 парень 8, молодой человек 1, юноша 1, мальчик 4 девушка 17, девочка 10, девка 2 старик 2, старичок 1, «старый» 1 старуха 3, старушка 1, бабка 2 Итого 88 (10,2 %)	человек 1, люди 1 дети 1, ребенок 2, ребята 2 мужик 4 женщина 34 парень 7, молодой человек 1, юноша 1 девочка 6, девушка 7, девка 8, девчонка 6 старик 1 старушка 6, баба 8, бабка 2, бабушка 1 Итого 99 (9,23 %)

<i>собственно наименования мифологических персонажей</i>	
<p><i>а) наименования мертвого человека:</i> покойник 16, покойница 4, покой- ный 1, покойная 1, покойница- мать 1, жена-покойница 1, мама покойная 1, муж покойный 3, сын покойный 1, мертвец 6, «мертвый» 1, неживой человек 1, убитая 1, утопленник 1, похоро- ненный (шаман) 1;</p> <p><i>б) наименования, квалифицирующие персонаж как сверхъестественный:</i> дух 2, душа 4, тень 1, призрак 1, привидение 2, призрачная девуш- ка 1, черт 2, дьявол 2, сатана 5, оборотень 1, доможил 1, нечистая сила 2, нечистый дух 1, какая-то сила 1, их брат (т.е. нечистая сила) 1, дворовой аль кто 1</p> <p>Итого 66 (7,65 %)</p>	
<i>имена собственные</i>	<i>имена собственные</i>
<p>Иван 2, Ванька 1, «Федор» 1, «Его- рушка» 1, «Васечка» 2, «Васенька» 1, «Ильюха» 2, Юрок 2, «Филипп» 3, Лиза 1, «Степка» 1, Степан 1, Сере- жа 1, Сашка 1, Маша 1, «Маша» 2, Тишан 1, Матрена 1, Краузиha 1, Коляха 1, «Маланья» 1, Николай- плотник 1, «Семен Петрович» 1, Семен Петрович 1, Маруся 4, мать Нины 1</p> <p>Итого 36 (4,17 %)</p>	<p>Наталья 2, «Натальюшка» 2, Наташка 1, «Санька» 1, «Моя Анюшка» 2, Нина 8, Люда 1, (дочь) Люда 1 Людка 1, Арина 8, Зина 3, «Иришка» 1, Настасья 1, Галка 1, Иванов 1, Иванов Архип Левонтьевич 1, Иванов Федор Егорович 1, «Егорушка» 1</p> <p>Итого 41 (3,82 %)</p>
<i>наименования трансформаций</i>	
<p>птичечка 1; ворона 1, голубь 1, белка 1, бык 1, лошадь 3, кони 2, собака 1, черная кошка 1, гуси 1, теленок 1, петух 1, курицы 1</p> <p>Итого 16 (1,85 %)</p>	
<i>номинации по профессии / роду занятий / имущественным отношениям</i>	<i>номинации по профессии / роду занятий / имущественным отношениям</i>
<p>военный человек 1, солдат 1, плотник 1, уборщица 1 шаман 3 хозяин (дома) 2</p> <p>Итого 9 (1,04 %)</p>	<p>сторож 1, кузнец 2, пчеловод 1, гадалка 1, родилка 1 комсомольцем был 1, парторг 1 хозяин 1</p> <p>Итого 9 (0,84 %)</p>

<i>номинации представителей социального окружения</i>	<i>номинации представителей социального окружения</i>
сосед 2, странная гостя 1 Итого 3 (0,35 %)	соседка 2, товарищ 1, дружки 1, подруга 1, подружка 2, знакомый 1, знакомая 2 Итого 10 (0,93 %)
<i>глагольные номинации</i>	
зашаркало 1, чудится 2, шоборчит 2, шурудит 1, едут 1, подъезжают 1, говорят 1 Итого 9 (1,04 %)	
<i>метонимические номинации</i>	
нога 7, на тройке белых 1, кровь 1 Итого 9 (1,04 %)	
<i>оценочная характеристика</i>	<i>оценочная характеристика</i>
несчастливая 1, грешница 1 Итого 2 (0,23 %)	«дура» 4, «дурочка» 1, «родная моя» 1 Итого 7 (0,65 %)

Обращают на себя внимание следующие особенности номинации персонажей былички. Во-первых, большее разнообразие способов номинации МП, среди которых отмечаются специфические: собственно наименования МП, наименования трансформаций МП-покойника в животных, особые глагольные номинации МП, обозначающие действие последнего при полном отсутствии субстантивного наименования, метонимические номинации (отметим, что этот способ обозначения персонажа вполне может использоваться и при наименовании человека-реципиента, для этого нет семантических ограничений).

Парадоксально, но при подсчетах словоупотреблений, относящихся к разным способам номинации МП в народных мифологических рассказах, оказывается, что покойника в народной традиции редко называют «покойником». Так, в нашем корпусе наименования мертвого человека (*мертвец, покойник, утопленник* и др.) и слова, квалифицирующие этот персонаж как сверхъестественный (*нечистая сила, черт, привидение, дух, душа* и др.), составляют всего лишь около 8 % от общего количества наименований. При этом такие номинации используются, как правило, в выводах, сентенциях, объяснениях, т.е. в конструкциях, вынесенных за пределы сюжетного повествования. Большую часть обозначений этого персонажа составляют слова, категоризирующие его как человека (антропонимы в широком смысле слова).

Во-вторых, обращает на себя внимание лексическая бедность былички, особенно это касается номинативного поля «чело-

век-реципиент». Это становится особенно очевидно, если сравнить полученные данные с соответствующим фрагментом общенациональной языковой картины мира, описанной в работах Ю.Д. Апресяна [1995], Н.Д. Арутюновой [1999], Е.В. Урысон [1998], А.Д. Шмелева [2002а], и с данными словарей [Лексическая основа 1984; Русский семантический словарь 1998; Человек 2003]. Так, в «Русском семантическом словаре» семантическое поле «человек» представлено почти на 400 страницах, одно только оглавление занимает 10 страниц. Также и в говорах чрезвычайно дробно представлен этот фрагмент действительности (см., например: [Литвинова 2011]). В быличках же остаются не востребованы многие параметры описания человека, почти полностью отсутствуют эмотивные, образные, экспрессивные компоненты в значениях слов-номинаций.

Для былички оказываются неактуальны характеристики человека по профессии и вообще роду деятельности, даже в отношении реципиента. Судя по обозначениям, он оказывается включен в социум прежде всего на уровне семьи. Широкая представленность терминов родства, а не групповых социальных характеристик, очевидно, объясняется содержанием исследуемых текстов, связанным со сферой семьи и семейных отношений.

Заметной и значимой особенностью номинативного поля былички является частотность местоименной номинации человека, прежде всего посредством личных местоимений — как в речевой партии рассказчика, так и в прямой и косвенной речи персонажей. Этому есть несколько причин. С одной стороны, слабая выделенность мифологического рассказа из устноречевого потока, включенность его в диалог, в ситуацию непосредственного общения обусловили действие в этом жанре фольклора тенденций, свойственных разговорной речи. Как известно, в разговорной речи местоимение — наиболее употребительная из знаменательных частей речи, что обусловлено актуальностью для непосредственной коммуникации анафорической и контактоустанавливающей функций, свойственных местоимениям [Земская 1979: 72; Русская разговорная речь 1983: 138–139]. Так, местоимение 1-го лица (*я*) в меморатах — естественный способ автономинации рассказчика. С другой стороны, для широкой представленности местоименной номинации МП, кроме названной особенности, есть еще одна причина, а именно особенности прагматики жанра: стремление рассказчика избежать прямого наименования сверхъестественного явления или субъекта [Левкиевская 2006: 197–198].

Вообще при анализе особенностей номинации в фольклорном тексте наблюдение только над набором лексем мало что дает

и мало что объясняет. Гораздо полезнее оказывается наблюдение над синтагматикой этих единиц в тексте. При таком наблюдении, в частности, становятся очевидны некоторые тенденции, касающиеся референции разных типов персонажей в тексте, и их связь с сюжетно-событийной основой текста.

Референция, понимаемая как соотнесение знака (слова, словосочетания) с объектами внеязыковой действительности в процессе коммуникации [Арутюнова 1990], различается в зависимости от соотношения фонда знаний собеседников о предмете речи. Если речь идет о предмете, известном только говорящему, — это интродуктивная референция («Есть у меня один приятель»), если об объекте, известном как говорящему, так и адресату, — это идентифицирующая референция («Этот ребенок никого не слушается»), а если об объекте, не входящем в фонд знаний собеседников, — это неопределенная референция («Петр женился на какой-то студентке») [Арутюнова 1990].

В фольклорном тексте, как установила Е.Е. Левкиевская, механизмы референции, используемые при обозначении мифологических явлений, отличаются от общеязыковых. Они гораздо более разнообразны и гораздо менее стандартны, чем применяемые в литературной речи. Так, интродукция — введение в речевую ситуацию нового объекта (мифологического персонажа) — осуществляется в быличке «ненормативными», с точки зрения литературного языка, способами: «Рассказчик былички, не называя т.н. “прямого имени”, классифицирующего персонаж, упорно избегает его непосредственной идентификации, используя для его обозначения то различные местоимения (*он, оно, это*), то дескрипции, указывающие на одно из свойств персонажа (типа пресловутых “*птушек*” и “*зверушек*”), то т.н. актуальные имена, указывающие на внешний признак референта, отличающий его в момент, о котором идет речь (типа *девушек в белом, старичков в красных рубахах, панов “у капелюше”* или “*с золотыми гудзиками*” и т.д.), то безличные формы глагола (типа *пугает, чудится, мерещится*)» [Левкиевская 2006: 197–198].

Эта черта языковой организации фольклорного текста связана, по мнению исследовательницы, с особенностями коммуникативной ситуации бытования былички — мнением собеседников друг о друге как об информированных в равной степени о предмете речи, одинаково «погруженных» в традицию и понимающих без дополнительных комментариев, о чем или о ком идет речь. Вместе с тем предмет речи (мифологическое явление) во многих аспектах непознаваем, и эта когнитивная неопределенность обуславливает неопределенность референциальную, которую демонстрирует мифологический текст.

Если же понаблюдать над тем, как персонаж вводится в повествование, как его при этом называет рассказчик, каков контекст этих номинаций, то становятся очевидны и некоторые другие закономерности наименования МП в быличке.

Как выяснилось, интродукция МП осуществляется двумя основными путями, которые соответствуют двум способам организации содержания текста. Первый способ интродукции (наиболее частотный — примерно 80 % примеров) представляет собой антропонимическое наименование персонажа (термины родства и свойства, существительные с общей категориальной семантикой «человек», имена собственные) в сочетании с характеристикой «умерший», которая может получать разнообразное лексическое и грамматическое выражение (*умер, утонул, повесился, умерши, задавивши, померлая* и т.д.):

Умер у нас дед [Зин.: № 387].

У меня племянника убило, так видела привидение [Чер.: № 14].

У одной женщины умер муж. И он стал к ней приходить [Воронеж.: № 575].

Померла у одного мужика жена [Зин.: № 386].

Свекра умерла за год до рожденья дочери [Воронеж.: № 560].

А в деревне была только помершая старуха [Чер.: № 10].

Умерла молодая девушка, а позже ее матери снится сон [Воронеж.: № 552].

У них мужик повесился [Чер.: № 33].

Катина гора есть, там девушка задавивши, все казалось, все чудилось там [Чер.: № 36].

Был тут Ильюха, который утонул под Петушком [Чер.: № 18].

В данном случае важно отметить, что характеристики персонажа как умершего, несмотря на предикативную форму (*сестра умерла, племянника убило, померла жена*), являются наиболее типичным наименованием «ходячего» покойника в мифологических рассказах. Эта особенность вполне соотносится с описанной Е.Е. Левкиевской логикой носителя традиции, который характеризует мифологический персонаж прежде всего через функции [Левкиевская 2007: 78–106], с тенденцией к предикатной форме репрезентации МП [Левкиевская 2007: 174–206] и, по всей видимости, представляет собой проявление более общей фольклорной тенденции именования, отмеченной С.Ю. Неклюдовым, — изображения и организации предметного мира фольклора через действие: «Персонаж бывает определенным обычно типом своего поведения» [Неклюдов 1972: 213].

Второй способ интродукции персонажа (гораздо менее частотный в исследуемом корпусе текстов) осуществляется с помощью конструкций, имеющих не интродуктивную, а неопределенную референцию: обобщенной номинации человека (*человек, мужчина, женщина* и др.), часто в сочетании с неопределенными местоимениями (*кто-то, какой-то*) и характеристиками внешнего облика (как правило, одежды), — т.е. актуальных имен, а также с помощью конструкций с нулевым показателем лица. Персонажам, вводимым в текст таким образом, предидируется признак положения в пространстве — их номинации чаще всего сочетаются с глаголами движения.

Вдруг слышу (а пол-то каменный): вот так кто-то шаркает ногами, как человек... [Зин.: № 410].

Идет мужчина какой-то по канаве, без шапки [Чер.: № 5].

[П]рихожу я домой, а там какой-то юноша 17 лет моет полы [Воронеж.: № 576].

А вот Галка-то наша, вот сыно-от у нее болел, так говорит, мужик к ей пришел, высокий такой, с бородой черной, все сына просил, так не отдала она его [Чер.: № 29].

Ну, она встала, открыла окошко и вдруг видит, что женщина така в белом платье и платке и просит, дай мне, мол, водицы [Чер.: № 30].

[С]идит в тулупе мужчина [Чер.: № 11].

[П]о саду-то едут мимо окон. Вдвоем сидят. Наряжены во всем белом [Зин.: № 403].

Слышу, говорит, шоборчит. <...> Шурудит [Зин.: № 411].

[П]одъезжают к ней на карете и говорят:
— Садись, моя, поедем [Зин., № 392].

Нетрудно заметить, что второй тип введения в текст мифологического персонажа представляет собой специфический для былички способ интродукции, описанный Е.Е. Левкиевской. Такие тексты содержат интригу: событие сначала описывается как тривиальное, как происходящее с обычным человеком (действительно, что необычного в том, что человек сидит, ходит, едет, моет полы?), и только потом выясняется, что этот персонаж — мертвый.

Собственно, в этом и состоит основное событие текста, говоря словами Ю.М. Лотмана, — «значимое уклонение от нормы» [Лотман 1998: 166], а коммуникативное задание текста, таким образом, — это правильная идентификация персонажа, опознание его как покойника. Тексты этого типа остросюжетны,

вызывают сильные эмоции, чувство страха и наилучшим образом выполняют эмоциональную и фатическую функции, свойственные быличке [Левкиевская 2008: 352–353]. Ср.:

С девушкой одной пошли жать. В Интоморе еще. Рано утром. Идет мужчина какой-то по канаве, без шапки. Идет навстречу, а навстречу не попал. А потом сказали нам: сорочины были сегодня, он и шел туда. Его как раз той дорогой везли [Чер.: № 5].

Хлопец гуляў з деўкай: «Пайдём пагуляем». Вёў, вёў, далёко. [Спрашивает ее:] «Не боіцца мене?» — «А чого?» — «Пайдём шчэ. Не баіцца?». Вёў і опяць: «Не баіцца мене? Пайдём!» Поняла яна, што не хлопец. Приводит ў землянку. Там нора. «Лезь!» — кажэ. «Тёмно, не палезу!». Начала молитву чытаць <...> То чорт буў, а не хлопец [Полесье: № 136].

Раз легли мы з дачкой спать. Тут дверь открываецца и як бы воздухом ў хату — и прошло. И ходить, и ходить по хате. И такой страшэнный ветер, аж по ўсей хате рубашечки детские поразбросало. А дочка и говорить: то батька [умерший] пришоў [Полесье: № 265].

Анализ показал, что такого рода тексты, в которых не сообщается с самого начала о том, что речь пойдет об умершем человеке, относятся к одному сюжетному типу: в них описывается только факт явления покойника, и это уже достаточное событие для текста, построенного таким образом¹. Для рассказов же, где слушателю заранее известно о том, что действующее лицо — покойник, характерно более разнообразное содержание. Это и сожительство покойного мужа с оставшейся в живых женой (например: [Зин.: № 397; Чер.: № 23, 24]), и вредоносные действия покойника по отношению к детям [Зин.: № 386, 399; Чер.: № 41], и опознание демона в покойнике [Воронеж.: № 581–585; Чер.: № 20, 22], и совершение защитных действий [Зин.: № 390, 397; Воронеж.: № 581–595], и взаимодействие с персонажем — передача предметов на тот свет [Воронеж.: № 547–557; Чер.: № 46–47]. Впрочем, встречаются тексты, содержание которых составляет только описание явления мифологического персонажа (например: [Зин.: № 405; Чер.: № 13]).

В текстах с интродукцией первого типа идентификация персонажа как умершего происходит уже в начале повествования

¹ Необходимо оговорить, что в нашем материале есть два примера текстов [Чер.: № 29, 30] с интродукцией мифологического персонажа второго типа, в которых, помимо явления покойника, появляется дополнительный мотив — попытка покойника забрать ребенка на тот свет. Но примеры эти не очень выразительны и не меняют общей картины. Так, в тексте [Чер.: № 30] вслед за описанием явления «женщины в белом платье и платке» появляется слово «покойница», таким образом, задача опознания персонажа снимается в самом начале. А текст [Чер.: № 29] настолько краток (здесь нарратив сжат до одного предложения), что по нему трудно судить о чем бы то ни было.

и тем самым подготавливаются ожидания слушателей: случай сразу же описывается и воспринимается как сверхъестественный, поэтому здесь возникает другая коммуникативная задача — правильная, с точки зрения традиции, идентификация персонажа и обучение правильному (опять же с точки зрения традиции) поведению в данной ситуации. Ср:

У одной женщины умер сын. И по ночам она стала замечать, что кто-то ходит по дому (после смерти еще не прошло 9 дней). Однажды ночью она обернулась, а напротив кровати стоял шифоньер с зеркалом. Ночь была лунная, и в нем женщина увидела тень. Она решила, что это ее сын. Ей посоветовали сходить в церковь и поставить свечку за упокой его души. Она так сделала, и сын перестал к ней ходить [Воронеж.: № 588].

Жили раньше в нашем селе муж с женою. И все у них было хорошо, ладно. Люди смотрели и завидовали. И неожиданно мужик умирает. И начались у вдовы несчастья. То одно случится, то другое. Целыми днями она плакала, на могилку ходила. Муж к ней ночью являлся, говорил, что плохо ему там, денег нет. Посоветовали вдове сходить к бабушке. Пошла она, рассказала все. Бабушка ей сказала, как только кто умрет, так положить ему в гроб горстку мелочи. Так она и сделала. Все у нее потом наладилось. Даже мужика потом она себе нашла, хорошего [Воронеж.: № 554].

Рассказывает: приснился мне сон, и дочка говорит мне, сходи на такой-то улице, и дом сказала. От, мол, пришли вот по той [с той] девочки, и имя назвала девочки, точно такое имя. Положила мать в гроб тапочки, и сниться перестало [Чер.: № 46].

Тексты такого типа в большей степени информативны, часто дидактичны. Очевидно, обилие именно таких текстов в сборниках народной прозы обусловлено восприятием информантами собеседника-собираателя как человека, которому нужна в первую очередь информация, причем информация определенного характера. Возможно, информативной направленностью и обусловлено большее разнообразие мотивов в этих текстах: нарратив служит наглядной иллюстрацией верований, связанных с данным персонажем¹.

¹ Неслучайно былички данного типа часто предваряются поверьем, выполняющим в данном случае функцию «свернутой» экспликации мотива, который получает дальнейшую развернутую реализацию в быличковом нарративе (см. об этой закономерности текстопорождения в: [Неклюдов 2004: 238]). Ср.: *Если в доме умирает человек, то принято закрывать зеркала. Никто не знал, зачем это делать, но все закрывают. Одна женщина не закрыла зеркало, когда у нее умер сын. Через 2 дня после похорон она проснулась от тихих шагов в соседней комнате. Она зашла в спальню, но не включила свет. Шаги были где-то недалеко, она повернулась к зеркалу и увидела в нем проходящего сына [Воронеж.: № 596].*

Таким образом, описанные типы текстов различаются в зависимости от места характеристики персонажа как умершего — в самом начале текста или в конце. Иными словами, если рассматривать мифологический текст как высказывание, то в данном случае мы сталкиваемся с его различной тема-рематической организацией: то, что в текстах с интродукцией второго типа является ремой, в текстах первого типа — уже известное, данное.

Наблюдаемая корреляция особенностей референции персонажа с сюжетно-событийной основой текста наводит на мысль о коммуникативной обусловленности процесса текстопорождения: различные типы интродукции МП «провоцируют» развитие действия по различным сюжетным схемам.

При анализе интродукции реципиента никаких подобных корреляций не наблюдается. Становится очевидно, что для человека-реципиента релевантным параметром, наряду с полом, возрастом, семейным положением, является параметр степени близости / знакомства с рассказчиком (в фабулатах). Как правило, интродукция реципиента происходит двумя способами — конструкциями с интродуктивной и с неопределенной референцией.

1. Конструкции с интродуктивной референцией — номинации, обозначающие родственника говорящего или человека из близкого окружения в сочетании с местоимениями 1-го лица (личными и притяжательными):

У нас-от брат был, старше меня [Чер.: № 10].

У моей тетушки сына убили на войне [Чер.: № 22].

У меня была подруга, у которой умер сын от воспаления легких [Воронеж.: № 553].

У моей подружки отец... [Воронеж.: № 586].

Муж у меня фураж возил, ночевал в одной деревне [Чер.: № 6].

Эта история была лично со мной и моей матерью [Воронеж.: № 563].

Вот случай такой. Моя знакомая рассказывает однажды [Воронеж.: № 572].

А вот Галка-то наша, вот сыно-от у нее болел, так говорит, мужик к ей пришел... [Чер.: № 29].

Мама рассказывала: пришел как-то в дом дедушка [Чер.: № 32].

В последнем примере номинация употреблена без личного местоимения, тем не менее становится очевидно из контекста,

что «мама» — не чья-то, а именно говорящего¹. Таким образом, данный пример представляет интродукцию того же типа.

2. Конструкции с неопределенной референцией — неопределенные местоимения или другие части речи в их роли в сочетании с существительными с общекатегориальной семантикой «человек»:

У одной женщины умер муж. Он к ней ходил [Чер.: № 23].

У одной женщины умер муж [Воронеж.: № 559].

Умер у одной женщины муж. Давай к ней по ночам ходить [Зин.: № 395].

У одного мужика померла жена [Воронеж.: № 561].

У одного старика умерла жена [Воронеж.: № 569].

К одной женщине ходил муж [Чер.: № 21].

Шла одна баба из Бугачачи к сестре своей... [Зин.: № 405].

Одна старушка зашла на кладбище и села на чужую могилку [Чер.: № 2].

Тут к одной, к Настасье, ходил [Чер.: № 9].

У одной муж умер [Зин.: № 397].

В примерах этого типа реципиент позиционируется как неизвестный лично рассказчику, но вполне типичный, обычный человек. Такие конструкции располагаются всегда в начале текста — это традиционные зачины былички-фабулата.

Оба рассмотренных типа ввода персонажа-реципиента в текст осуществляются конструкциями с референциальными значениями, соответствующими общеязыковым тенденциям. Таким образом, на уровне языкового представления человек-реципиент в быличке находится в поле нормы. Более разнообразная и нестандартная референция МП и ее значимая роль в развитии сюжета в построении текста свидетельствуют о маркированности и большей семиотической нагруженности полюса «сверхъестественный» в семантической сфере «человек», что и обуславливает фокусировку исследовательского интереса на МП при изучении мифологического текста.

¹ Говоря о референциальных свойствах терминов родства, А.Д. Шмелев подчеркивает ограниченность их референциальных возможностей [Шмелев 2002б: 228].

Библиография

- Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Арутюнова Н.Д.* Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 411–412.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- [Воронеж.] Былички и бывальщины Воронежского края: Сб. текстов / Сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж: Научная книга, 2009.
- Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979.
- [Зин.] Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987.
- Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. [Вып. 10]. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Левкиевская Е.Е.* Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
- Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363 <<http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm>>.
- Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1984.
- Литвинова Т.А.* Номинации человека как отражение языковой картины мира (на материале воронежских говоров). Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 14–285.
- Неклюдов С.Ю.* Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства / Сост. С.Ю. Неклюдов; отв. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Искусство, 1972. С. 191–220.
- Неклюдов С.Ю.* Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
- Неклюдов С.Ю.* Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // Проблемы структурно-семантических указателей / Сост. А.В. Рафаева. М.: РГГУ, 2006. С. 31–37 <<http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov43.htm>>.
- [Полесье] Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века / Сост. Л.Н. Виноградова,

- Е.Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Т. 2: Демонологизация умерших людей.
- Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983.
- Русский семантический словарь. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / Авт.-сост. А.С. Белоусова и др.; ред. В.А. Плотникова. М.: Азбуковник, 1998.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995–2012.
- Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.
- [Чер.] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб.: СПбГУ, 1996.
- Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002а.
- Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002б.
- Человек: Характер и поведение: Толковый словарь / Авт.-сост. С.А. Фридман. М.: Мнемозина, 2003.